

Анжиров Игорь Викторович

начальник УБЭП Кировского УВД
г. Ростова-на-Дону

**ВЛИЯНИЕ КЛАНОВОЙ ФОРМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ
ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И ЗАКАВКАЗЬЯ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Anzhirov Igor Viktorovich

Chief of the Economic Crimes Kirov ATC,
Rostov-on-Don

**EFFECT CLAN FORM
ORGANIZATION
TRADITIONAL SOCIETIES
NORTH CAUCASUS
AND THE CAUCASUS
ON THE FORMATION OF ETHNIC
CRIME IN MODERN RUSSIA**

Аннотация:

Тема Северного Кавказа на протяжении последних десятилетий по разным поводам привлекает пристальное внимание исследователей. Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена одной из наиболее исследуемых и в тоже время очень тонких тем влияния классовой традиции северокавказских этносов на криминогенные процессы в современной России. В статье анализируются некоторые аспекты клановых традиций, психологии, общественного менталитета северокавказских народов.

Ключевые слова:

традиционное общество, классовая психология, кавказский менталитет, теневая экономика, этническая принадлежность.

Summary:

Topic of the North Caucasus in recent decades on various occasions attracted attention of researchers. Proposition Guy readers article is dedicated to one of the most researched and it's also very thin, the influence of the class tradition of the North Caucasian ethnic groups in criminogenic processes in Russia. In this article are analyzed some aspects of the traditions of the clan, psychology, public mentality of the North Caucasian peoples.

Keywords:

traditional society, psychology class, Caucasian mentality, the shadow economy and ethnicity.

В период глобальной социально-экономической и политической трансформации, последовавшей за распадом Советского Союза, российское общество столкнулось с относительно новым для него феноменом – организованной этнической преступностью. Разумеется, преступные сообщества, складывавшиеся по признаку этнической и клановой принадлежности, существовали и прежде, начало их расцвета пришлось на 1970-е – 1980-е гг., но в постперестроечные десятилетия они достигли своего наивысшего размаха. Их существование было вынуждено официально признать не только представители правоохранительных органов, но и руководители страны, в частности В.В. Путин.

В течение нескольких десятилетий группировкам, организованным по этническому признаку, удалось занять приоритетные позиции в российской организованной преступности, существенно потеснив традиционные славянские сообщества. Уже к началу 1990-х гг. из 716 «воров в законе», высших лиц в иерархии преступного мира, русские составляли лишь 33,1 % от общей численности, тогда как 67 % приходилось на представителей других национальностей, в первую очередь выходцев из Закавказья (грузин – 31,6 %, армян – 8,2 %, азербайджанцев – 5,2 %, а также курдов, абхазцев и т.д.) [1, с. 45]. Впоследствии процент представителей этнических преступных сообществ продолжал расти, параллельно росло и влияние этнической преступности на преступный мир, бизнес и общество в целом.

Одной из главных причин успеха этнической преступности стала специфическая система организации, фактически воспроизводившая распространенные в традиционных обществах Северного Кавказа и Закавказья клановые отношения. Именно клановые формы организации обеспечили этническим преступным сообществам более выгодное, по сравнению со славянской организованной преступностью, положение.

Но прежде, чем перейти непосредственно к рассмотрению влияния клановой структуры кавказских обществ на российскую этническую преступность, необходимо обратиться к некоторым особенностям традиционного мировоззрения народов Кавказа и Закавказья.

Согласно Г.У. Солдатовой, существовавшие на Кавказе традиционные общества всегда отличались следующими характерными чертами менталитета: радикальностью, замкнутостью,

андроцентризмом, коллективизмом, традиционализмом и регламентированностью [2, с. 223–226]. Естественно, что подобная ориентация явилась оптимально подходящей для формирования этнических преступных сообществ.

Кавказские общества с древнейших времен основывались и функционировали на родовых принципах, причем по мере их включения в орбиту российского влияния традиционные формы социальной организации отнюдь не исчезли, но модернизировались, адаптировались к изменившимся социальным условиям. Е.Г. Битова рассматривает патронимические кланы как основу любого северокавказского общества, вне зависимости от этнической принадлежности и исторических форм политического устройства [3, с. 31]. Практически каждый горский аул, и тем более относительно крупный населенный пункт, мог включать несколько родов или кланов. Возникающие конфликтные ситуации решались членами клана совместно, в необходимом случае вооруженным путем.

Отметим, что многие северокавказские общества прежде были безгосударственными, либо государственная власть имела на них крайне незначительное влияние. На этом фоне родовая структура оставалась важнейшей формой социальной организации. В частности, чеченское население, не знавшее государственности до российской колонизации Северного Кавказа, представляло собой совокупность отдельных родов – «тейпов», состоявших из людей, связанных кровным родством по отцовской линии и возводивших свой род к единому общему предку [4, с. 14–18].

Естественно, что в отсутствие государства, никаких внешних арбитров межклановых противоречий не существовало, ситуация решалась в пользу того или иного клана, исходя из его численности и силы. Сильные роды могли беспрепятственно осуществлять вооруженные нападения на соседей, похищая женщин, имущество и скот [5, с. 17]. Это способствовало выработке устойчивого уважительного отношения к силе и одобрения права сильного на насилие в отношении слабых.

В традициях многих кавказских обществ на протяжении веков присутствовало более мягкое отношение к тем формам поведения, которые в современном обществе считаются преступными и караются законодательством. Горские обычаи вполне одобряли практику барамты – насильственного присвоения чужой собственности, причем в отношении враждебных родов или чуждых этносов такая модель поведения считалась не только допустимой, но и правильной, заслуживающей симпатии и уважения. Именно грабительские набеги на соседей позволили многим кавказским кланам, считающимся знатными и уважаемыми, составить основу своего богатства, причем безжалостность действий побуждала соплеменников и соседей к страху и уважению в отношении сильных родов.

Джигит – «удалец» пользовался в кавказских обществах традиционным уважением, про его отважные вылазки складывались песни, а для молодежи он выступал в качестве естественного примера для подражания (примечательно, что в Грузии 1990-х гг. 25 % опрошенных школьников мужского пола выражали желание стать в будущем «ворами в законе»). Старинная даргинская поговорка подчеркивала: «Вор сильнее хана», – и действительно, перед разбойниками оказывалась бессильной и традиционная власть (в тех обществах, где присутствовал институт феодальных властителей), и сменившая ее власть российская.

Одним из наиболее ярких примеров традиционного для Кавказа преступного поведения является рейд наследника Шамиля Кази-Мухаммеда в Кахетию в 1854 г., во время которого семитысячный отряд горцев полностью разграбил и сжег 18 селений, захватив в плен около 900 человек, в том числе внушек последнего грузинского царя Георгия XII [6].

Подобное, одобряемое традицией, преступное поведение, в сочетании с родовой и клановой организацией кавказских обществ, способствовало тому, что, как отмечает И.В. Розмаинский, общий уровень законопослушания в национальных республиках Северного Кавказа всегда был гораздо ниже, чем даже в целом по России, население которой традиционно также не испытывает особого пиетета по отношению к государственному закону и его блюстителям [7, т. 2, с. 64].

Если традиционная психология кавказских народов способствовала снисходительному отношению к различным формам преступного поведения, то клановая структура кавказских обществ оказалась наиболее оптимальной для организации на ее основе преступных группировок. В первую очередь, следует отметить, что каждый клан состоит из людей, объединенных общим родственником или земляческим происхождением, что в условиях кавказских обществ является собой практически одно и то же. Разумеется, что группа, состоящая из родственников и друзей, знакомых с детских лет, оказывается более сплоченной, чем традиционные для России преступные группировки, формировавшиеся, как правило, за счет людей, знакомых по общему отбыванию наказания в местах лишения свободы.

Во-вторых, клановая структура подразумевает жесткую внутреннюю дисциплину, безоговорочное подчинение младших членов клана старшим, и если традиционные русские и славянские преступные группировки основывались, прежде всего, на страхе перед личностью лидера, то для этнической преступности характерно традиционное уважение младших членов группировки к старшему, главе клана. Внутреннюю сплоченность этнической преступной группы повышает и широко известная взаимопомощь представителей одного клана.

Начиная с 1970-х гг. в Советском Союзе выходят на первые места по своему влиянию и масштабу деятельности кавказские, в первую очередь, грузинские «воры в законе». Если прежде преступный мир практически полностью находился под влиянием славянских «воров в законе», то в результате активного проникновения грузинских криминальных лидеров ситуация существенно изменилась. Росту влияния грузинских криминальных лидеров способствовал целый ряд факторов. Во-первых, в южных регионах СССР, в особенности на Кавказе и в Закавказье, гораздо раньше, чем по стране в целом, сформировалась развитая теневая экономика. Во-вторых, и благоприятный для сельского хозяйства климат, и коррумпированность местных партийных, государственных и правоохранительных структур, и традиционный менталитет кавказских народов, ориентированных, прежде всего, на собственное материальное благополучие.

Так, рассматривая вопрос о формировании теневой экономики в Адыгее, Г. Дерлугьян пишет: «До начала 60-х годов адыгейцы были одной из самых бедных групп населения Краснодарского края. На рынках они торговали в основном дровами и дикими каштанами, иногда рыбой и птицей. Переход на продажу овощей и открытие путей на базары центральной России произвел революцию в ауле. Приток денежной массы начал возрастать едва ли не в геометрической прогрессии. Рубеж 60–70-х годов был отмечен качественным скачком в помидорной эпопее – от приусадебных участков и важной дополнительной статьи доходов происходит поворот к профессионализации и интенсификации. Начинается скрытый захват колхозных полей, спекуляция государственными поставками помидоров, которые вместо давлен консервных комбинатов после пересортировки попадают на базары Москвы и Рязани» [8].

Кавказские теневые дельцы практически сразу попали в орбиту влияния криминальных структур, которые за счет рэкета получили возможность располагать столь крупными денежными средствами, которые отсутствовали у организованной преступности других регионов страны. Партийные и государственные чиновники на Кавказе предпочитали не вмешиваться в дела организованной преступности не только из-за получения взяток, но и вследствие тесных клановых связей, которые объединяли многих из них с представителями криминальной среды.

Распространение деятельности кавказских теневых дельцов на другие регионы Советского Союза побудило и контролирующих их криминальных авторитетов перенести свою деятельность за пределы Грузии и других республик. Вместе с тем руководство Грузинской ССР, справедливо полагая, что местным криминальным авторитетам вследствие сильной коррумпированности правоохранительных органов в местах лишения свободы на территории республики будут созданы льготные условия, ходатайствовало перед МВД СССР об этапировании местных преступников для отбывания заключения в другие республики и области. Так, грузинские «воры в законе» появились в тюрьмах и колониях РСФСР и других союзных республик, где устанавливали контакты с местными преступными элементами и в силу большой внутренней сплоченности и клановой взаимовыручки быстро приобретали влияние [9].

Сложное политическое и социально-экономическое положение бывших советских республик в начале 1990-х гг. способствовало активизации этнической преступности. В частности, в Грузии, как отмечают Г. Глонти и Г. Лобжанидзе, «криминальные кланы стали настолько влиятельны, что фактически заменили государственные властные структуры и практически контролировали всю экономику республики» [10, с. 41]. Формировались военизированные группировки, крупнейшей из которых стала «Мхедриони», руководителем которой «вор в законе» Джаба Иоселиани был избран членом парламента Грузии, а его ставленник дважды судимый Т. Хачишвили назначен на должность министра внутренних дел [11, с. 42].

Проникновение в Россию кавказских криминальных группировок отмечалось распространением целого ряда тенденций, прежде не свойственных традиционной «воровской» среде. Во-первых, кавказские криминальные авторитеты активно использовали клановые и родственные связи, осуществляли протекцию младшим родственникам и пользовались поддержкой со стороны более авторитетных родственников и земляков.

Во-вторых, с усилением кавказских авторитетов возник прежде не имевший места и даже невообразимый в «воровской» среде феномен посвящения («коронации») в «воры в законе» по родственной протекции или даже за определенную сумму денег. При этом новоиспеченные «воры в законе» могли быть крайне молодыми или же вообще не иметь ни единой судимости, что для славянской преступной среды было однозначно недопустимым. Последние относились

к новой формации криминальных авторитетов пренебрежительно, определяя ее как «лаврушников» и «апельсиновых» (то есть купивших титул «вора в законе» за партию лаврового листа или цитрусовых), однако были вынуждены считаться с их нарастающим влиянием.

Вместе с тем кавказские криминальные авторитеты, руководствуясь не только и даже не столько «воровскими понятиями», сколько традиционной этикой «джигитов», строго соблюдали правило не работать в местах лишения свободы [12, с. 37]. Поддержка со стороны многочисленных родственников и кланового сообщества позволяла достаточно приемлемое существование, в особенности при коррумпированном руководстве исправительного учреждения.

Кавказские криминальные структуры принесли в деятельность организованной преступности такие традиционные для Кавказа формы преступного поведения, как похищение людей с целью выкупа, нападения с целью угона автотранспорта (модернизированная форма угона скота). В отличие от славянских «воров в законе» старой формации, которые считали невозможными для себя любые контакты с представителями правоохранительных органов, кавказские криминальные структуры не видели ничего предосудительного в использовании клановых или коррупционных связей с государственным аппаратом и органами правопорядка.

Как отмечают Г. Глонти и Г. Лобжанидзе, «в 1982 году в Тбилиси (Грузия) состоялась большая сходка воров, на которой обсуждались вопросы необходимости трансформации воровского сообщества в современном мире и увеличении участия воров в экономической и политической жизни в СССР. Автором этого проекта выступал известный «вор в законе» из Грузии Джаба Иоселиани. Данную позицию поддержали другие грузинские и кавказские криминальные авторитеты, что было вполне объяснимым явлением. В Грузии уже тогда сложилась ситуация тесного взаимодействия преступных кланов с региональной правительственной иерархией. В республике процветали взяточничество и другие виды коррупции, и государственные чиновники по существу являлись структурными звеньями преступного сообщества» [13, с. 37].

Следует отметить, что практически все действующие в настоящее время криминальные сообщества выходцев с Кавказа и из Закавказья построены по этноклановому принципу. Так, грузинская организованная преступность не предстает единым сообществом, поскольку включает в себя целый ряд организованных преступных группировок, находящихся между собой в сложных партнерских или конфликтных отношениях. Исследователи выделяют такие крупные клановые сообщества, как кутаисская, тбилисская, сухумская, мингрельская и сванская преступные группировки. Примечательно, что последняя, основанная выходцами из Лентехского и Лечхумского районов Грузии, сванами по национальности, занимается похищением заложников с целью получения выкупа, то есть одной из наиболее привычных и традиционных для горских обществ форм преступного поведения [14].

Азербайджанские этнические преступные группировки также не являются единым сообществом, будучи построенными по клановому принципу, совмещаемому с принципом этнической принадлежности – вопреки распространенному мнению об азербайджанцах как едином этносе, можно выделить отличные друг от друга группы азербайджанских тюрок, терекеме (дагестанских азербайджанцев), шахсенов, курдов, талышей, «еразов» (ереванских азербайджанцев).

Как мы уже говорили выше, для клановой структуры характерна высокая степень внутренней идентичности и жесткой дисциплины. В совокупности с соответствующими социальными факторами это во многих случаях приводит к криминализации значительной части малых этнических групп, в которых процент проявляющих криминальную активность членов непропорционально велик относительно общей численности данной группы. Имеет смысл привести в пример общность курдов-езидов – выходцев из Грузии и Армении, представители которых занимают достаточно серьезные позиции в теневом бизнесе и преступном мире современной России.

Курды-езиды, основная часть которых проживает на территории Ирака, появились в Закавказье во второй половине XIX – начале XX в. в результате преследований со стороны властей Османской империи и соседей-мусульман. В отличие от других курдов, исповедующих ислам суннитского или шиитского толка, езиды придерживаются собственных традиционных верований – езидизма [15]. Религиозная отчужденность как от исламского, так и от христианского мира в совокупности с тем, что езидизм не является прозелитической религией и не подразумевает пополнение общины верующих за счет лиц другой национальности, привела к тому, что езидская общность сохраняет высокую степень закрытости. Закрытости езидов способствует и то, что на протяжении веков эта этноконфессиональная общность подвергалась преследованиям со стороны соседей и не имела собственной государственности.

Как отмечает курдский исследователь К. Анкоси, «проживающие в Армении и Грузии курды-езиды распадаются на многочисленные племена и роды, среди которых до недавнего вре-

мени господствовали общинные обычаи и порядки. Современное езидское общество сохранило родоплеменные отношения, но не в его классической форме» [16].

Поселившиеся в Грузии, в первую очередь в Тбилиси, езиды заняли низшие этажи в социальной структуре грузинского общества. Отсутствие образования, а то и неграмотность не способствовали получению выходцами из езидской общины хорошего образования. Руководство же Грузинской ССР, а затем и суверенной Грузии, также стремилось не допустить повышения социальных позиций езидов, значительная часть которых была занята в сфере низкоквалифицированного и малооплачиваемого труда. В результате, наиболее активные и пассионарные представители езидской общины, лишённые возможности вертикальной мобильности в грузинском обществе за счет получения образования, продвижения по службе в государственных структурах или создания легального бизнеса, обратились к криминальной деятельности.

Клановая структура и закрытость езидской общины способствовали появлению хорошо организованных и эффективно действующих преступных сообществ, контролируемых «ворами в законе». Примечательно, что традиции езидов запрещают представителям высшей касты – шейхам, пользующимся всеобщим уважением, носить оружие, служить в армии и правоохранительных органах. Такие же требования выдвигает к «ворам в законе» воровская идеология, поэтому многими представителями молодежи «воры» могут рассматриваться как современный аналог традиционных клановых лидеров.

Богатство, власть и уважение со стороны соплеменников, которым пользуются криминальные авторитеты, способствуют привлечению в ряды организованных преступных группировок новых участников из числа молодежи, которой в силу отсутствия образования, плохого знания русского языка или же отсутствия российского гражданства сложно реализовать себя в легальной деятельности. Разумеется, что борьба правоохранительных органов с такими преступными сообществами существенно осложняется. Практически невозможно внедрить в организованную по клановым принципам группировку информатора – сказывается языковой барьер.

На формирование северокавказских преступных группировок оказали влияние специфика местной родовой (тейповой) формы социальной организации, а также принадлежность к исламской цивилизации. Если грузинские, курдские и армянские криминальные сообщества складывались на основе клановой принадлежности, но предпочитали хотя бы формально руководствоваться идеологией «воров в законе», которая предполагает интернационализм, то чеченская, ингушская и дагестанская организованная преступность принимают во внимание, прежде всего, этнический фактор. На основе этнической общности, принадлежности к одному клану или тейпу, устанавливаются тесные контакты и с представителями государственных структур и правоохранительных органов, причем последние могут и не считать себя коррумпированными, поскольку выполняют традиционный долг помощи соплеменникам или родственникам. Значительная часть подобных группировок не признает авторитета «воров в законе», их участники склонны к подчинению, скорее авторитетам своего тейпа, чем «ворам в законе» другой национальности и тем более другого вероисповедания («неверным»).

Развитие этнической преступности, организованной по клановому принципу, способствовало и размыванию некоторых традиционных принципов идеологии «воров в законе», сформировавшихся за десятилетия существования советского преступного мира. В частности, участились проявления национальной неприязни, подогреваемые многочисленными межэтническими конфликтами на территории СССР и постсоветского пространства в 1980–1990-е гг. Следует учесть, что во многих из них принимали участие и формирования криминальных авторитетов, естественно, отстаивавшие интересы своего клана или этнической группы.

Впервые внимание на межэтнические противоречия в преступном мире, ставшие результатом влияния клановых форм организации кавказских обществ, МВД СССР обратило еще в 1985 г., подчеркивая, что «во взаимоотношениях «воров» просматривается неофициальная борьба между некоторыми категориями, в частности, из числа «кавказских» национальностей, так называемых «пиковой масти» или «грузинскими ворами», и лидерами других группировок, сформировавшимися по земляческому признаку» [17, с. 7]. В 1990 г. на межклановые и межэтнические противоречия обратили внимание и сами «воры в законе», выступившие с призывом о недопущении национализма в преступном мире [18, с. 80].

Таким образом, можно установить, что, несмотря на определенное сходство, клановые структуры северокавказских обществ и Закавказья, оказывающие влияние на формирование этнической преступности в современной России, имеют и не менее очевидные различия, продиктованные региональной и национальной спецификой. Построенные по клановому принципу этнические преступные сообщества отличаются высокой степенью самоидентификации их участников как членов одного клана; жесткой дисциплиной с безоговорочным подчинением ли-

деру, который может совмещать функции как кланового, так и криминального авторитета; господством традиционной системы ценностных и мировоззренческих установок, которая частично может совпадать с идеологией преступного мира.

Организация этнических преступных сообществ по клановому принципу не только способствует росту их численности и влияния на российскую организованную преступность и подконтрольные ей сферы бизнеса, но и существенным образом затрудняет работу правоохранительных органов в направлении борьбы с организованной преступностью.

Ссылки:

1. Глонти Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси, 2004.
2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
3. Битова Е.Г. Модели интеграции этнополитических образований Кабарды и Балкарии в политико-административную систему Российской империи (первая половина XIX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1.
4. Мамакаев М.И. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962.
5. Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа // Южнороссийское обозрение. Вып.18. Ростов-на-Дону, 2003.
6. Маркелов Н. Пленники гор. ч. 3 URL: <http://www.rusmysl.ru/2002/4390/4390223-Jan04.html>
7. Розмаинский И.В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. № 1.
8. Дерлугьян Г. Горские князья, партвыдвиженцы и помидорщики: двести лет социальной эволюции адыгейских элит. URL: http://sovetikus.narod.ru/Derluguian.html#_ftn1
9. Калинин О. Грузинская мафия // Вне закона. 2001. № 39 (193). 24 сентября.
10. Глонти Г., Лобжанидзе Г. Указ. соч.
11. Там же. Глонти Г., Лобжанидзе Г. Указ. соч.
12. Лебедев С.Я., Козлов О.Е. «Вор в законе» как традиционный лидер преступной среды. Омск, 1988.
13. Глонти Г., Лобжанидзе Г. Указ. соч.
14. Калинин О. Указ. соч.
15. Полатов Д.Р. Езиды. Религия и народ. М., 2005.
16. Анкоси К. Племена курдов-езидов на Южном Кавказе. URL: <http://www.ezdixane.ru/content/>
17. Справка МВД СССР «Об особенностях преступной деятельности лиц из числа «воров в законе» и рекомендациях по усилению борьбы с этой категорией уголовного элемента для практического использования» № 324 12 октября 1985 года.
18. Глонти Г., Лобжанидзе Г. Указ. соч.

References (transliterated):

1. Glonti G., Lobzhanidze G. Professional'naya prestupnost' v Gruzii (vory v zakone). Tbilisi, 2004.
2. Soldatova G.U. Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti. M., 1998.
3. Bitova E.G. Modeli integratsii etnopoliticheskikh obrazovaniy Kabardiy i Balkariy v politiko-administrativnyuyu sistemu Rossiyskoy imperii (pervaya polovina XIX veka) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennie nauki. 2005. № 1.
4. Mamakaev M.I. Chechenskiy tayp (rod) i protsess ego razlozheniya. Grozniy, 1962.
5. Ladyzhenskiy A.M. Adaty gortsev Severnogo Kavkaza // Yuzhnorossiyskoe obozrenie. Vyp.18. Rostov-na-Donu, 2003.
6. Markelov N. Plenniki gor. ch. 3 URL: <http://www.rusmysl.ru/2002/4390/4390223-Jan04.html>
7. Rozmainkiy I.V. Osnovnie kharakteristiki semeyno-klanovogo kapitalizma v Rossii na rubezhe tysyacheletiy: institutsional'no-postkeynsianskiy podkhod // Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1.
8. Derlug'yan G. Gorskie knyaz'ya, partvydvizhentsy i pomidorshchiki: dvesti let sotsial'noy evolyutsii adygeyskikh elit. URL: http://sovetikus.narod.ru/Derluguian.html#_ftn1
9. Kalinin O. Gruzinskaya mafiya // Vne zakona. 2001. № 39 (193). 24 sentyabrya.
10. Glonti G., Lobzhanidze G. Op. cit.
11. Tam zhe. Glonti G., Lobzhanidze G. Op. cit.
12. Lebedev S.YA., Kozlov O.E. «Vor v zakone» kak traditsionniy lider prestupnoy sredy. Omsk, 1988.
13. Glonti G., Lobzhanidze G. Op. cit.
14. Kalinin O. Op. cit.
15. Polatov D.R. Ezidy. Religiya i narod. M., 2005.
16. Ankosi K. Plemena kurdiv-ezidov na Yuzhnom Kavkaze. URL: <http://www.ezdixane.ru/content/>
17. Spravka MVD SSSR «Ob osobennostyakh prestupnoy deyatel'nosti lits iz chisla «vorov v zakone» i rekomendatsiyakh po usileniyu bor'by s etoy kategorией ugovol'nogo elementa dlya prakticheskogo ispol'zovaniya» № 324 12 oktyabrya 1985 goda.
18. Glonti G., Lobzhanidze G. Op. cit.